

Научная статья. Экономические науки
УДК 338+327 (560)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-02-021-031>

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В СМЕНЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА ТУРЦИИ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2023 г.

Наталия Юрьевна Ульченко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Институт стран Азии и Африки ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
ulchenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0078-1199>

Аннотация. В статье прослеживается взаимовлияние внешнеполитических установок Турции периода правления ПСР и наиболее важных задач, стоявших перед страной в области экономики. Как представляется, уровень этого взаимовлияния не оставался неизменным. Если первый период правления ПСР был отмечен высокой степенью ориентации на интересы экономики страны, в первую очередь развитие экспортных возможностей для азиатского капитала, иначе – превращением Турции в «торгующее государство», то впоследствии усиление экономики страны стало восприниматься ее истеблишментом, и прежде всего президентом Р. Т. Эрдоганом, как возможность для более широкого внешнеполитического маневра и ослабления связей с западными партнерами на фоне так называемой неортодоксальной кредитно-денежной политики, предполагавшей замещение внешнего кредитования внутренним. Однако финансово-экономические трудности, с которыми столкнулась Турция, обусловили после выборов 2023 г. как возврат к классике кредитно-денежного регулирования, так и, по крайней мере, частичную нормализацию отношений с Западом, в том числе для восстановления интереса западных инвесторов к турецкому рынку.

Ключевые слова: Турция, торгующее государство, неортодоксальная кредитно-денежная политика Эрдогана, усиление внешнеполитической субъектности Турции, девальвация лиры, укрепление отношений с Западом

Для цитирования: Ульченко Н. Ю. Роль экономических вызовов в смене внешнеполитического вектора Турции после президентских и парламентских выборов 2023 г. *Восточная аналитика*. 2024;14(2):21-31. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-02-021-031>

Original article. Economics studies

THE ROLE OF ECONOMIC CHALLENGES IN CHANGING TURKEY'S FOREIGN POLICY VECTOR AFTER THE PRESIDENTIAL AND PARLIAMENTARY ELECTIONS OF 2023

Natalia Ulchenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ulchenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0078-1199>

Abstract. The article traces the mutual influence of Turkey's foreign policy attitudes during the AKP rule and the most important tasks facing the country in the field of economics. It seems

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

that the level of this mutual influence has not remained unchanged. If the first period of the AKP's rule was marked by a high degree of orientation towards the interests of the country's economy, primarily the development of export opportunities for Anatolian capital, otherwise – the transformation of Turkey into a "trading state", then subsequently the strengthening of the country's economy began to be perceived by its establishment, and above all by President R. T. Erdogan as an opportunity for a broader foreign policy maneuver and the weakening of ties with Western partners against the background of the so-called unorthodox monetary policy, which assumed the replacement of external lending with internal ones. However, the financial and economic difficulties faced by Turkey caused after the 2023 elections a return to the classics of monetary regulation, as well as at least, a partial normalization of relations with the West in order to restore the interest of Western investors to the Turkish market.

Keywords: Turkey, trading state, Erdogan's unorthodox monetary policy, strengthening Turkey's foreign policy subjectivity, devaluation of the Turkish lira, strengthening relations with the West

For citation: Ulchenko N. Yu. The Role of Economic Challenges in Changing Turkey's Foreign Policy Vector after the Presidential and Parliamentary Elections of 2023. *Eastern Analytics*. 2024;14(2):21-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-02-021-031>

В 2002 г. к власти в Турции пришла Партия справедливости и развития. Удержание ею властных позиций как партией нового типа требовало обновления устоявшихся подходов, в том числе в сфере внешней политики.

Новый подход идеологов от внешней политики Партии справедливости и развития состоял в том, что произошедший в начале 1990-х гг. крах биполярной системы стал рассматриваться как открывшееся «окно возможностей». С одной стороны, стало возможным ослабление зависимости от традиционных партнеров (США и Западной Европы), с которыми, в первую очередь, связывала эффективная система обороны в рамках НАТО. С другой стороны – появилось больше свободы и возможностей для развития отношений с другими странами.

Поначалу акцент был сделан на государства региона. Интерес к «ближнему кругу» объяснялся стремлением в новых условиях пересмотреть исторически конфликтный характера отношений с непосредственными соседями: сами турки воспринимали свою страну как окруженную с трех сторон морями, а с четырех – врагами. Отсюда – основная цель раннего этапа внешней политики ПСР – «ноль проблем с соседями».

Успех ПСР на следующих парламентских выборах 2007 г. означал возможность решения новых задач: внешнюю политику предстояло сделать более амбициозной, активной и самостоятельной. Согласно предвыборной декларации 2007 г., Турции уже не следовало ограничиваться стремлением стать «региональной силой»: ставилась задача превратить страну во «влиятельного глобального актора» [Güven ve İstikrar..., 2007,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

s. 210]. Эксперты констатировали активизацию разнонаправленной внешней политики Турции, далеко выходящей за рамки даже широкого региона. Подчеркивая теперь уже внерегиональный характер турецкой внешней политики, турецкий аналитик И. Туран отмечал, что она «имеет не столько исламский дух, сколько представляет интересы стран всего третьего мира» [Turan, 2011, p. 3].

Подобного рода широкий, выпешший за рамки своего региона подход обеспечивал в том числе достижение важных экономических задач Турции, связанных с географической диверсификацией экспорта и выходом на новые рынки. Перейдя в начале 1980-х гг. к стратегии экспорт-ориентированного развития, Турция так и не смогла к началу 2000-х гг. справиться с дефицитом внешней торговли: по итогам 2002 г. он составил 15,7 млрд долл., а отношение экспорта к импорту – чуть менее 70% [Ekonomik Rapor..., 2002, s. 84].

Значительная часть проблемы заключалась в том, что не удалось достичь в полной мере целей структурной диверсификации экспорта, повысив долю высокотехнологичной, следовательно, более дорогостоящей продукции: вырос удельный вес лишь среднетехнологичной продукции. Но отмеченные структурные сдвиги оказались недостаточными для уверенной компенсации импортных затрат. Поэтому турецкие власти переориентировались на более доступную в краткосрочной перспективе стратегию расширения географии рынков сбыта, для реализации которой весьма продуктивны оказались новые внешнеполитические подходы. Еще одной движущей силой перемен во внешней политике Турции стало ее превращение в «торгующее государство». Данная категория государств, в отличие от тех, кто опирается на военную мощь и жесткое влияние, делает в отношениях с другими странами акцент на экономической взаимозависимости. Их интересы определяются не только соображениями национальной безопасности в узком понимании; не меньшее значение имеют экономические факторы, такие как торговля, расширение экспортных рынков и прямые иностранные инвестиции.

В качестве дополнительного фактора развития внешнеторговой активности Турции в регионе следует отметить интересы малого и среднего бизнеса из экономических центров внутренней Анатолии. Будучи важным компонентом электоральной поддержки ПСР, эти промышленники в силу сравнительно малых размеров производства не могли рассчитывать на эффект от масштаба и поэтому испытывали трудности с проникновением на «зрелые» рынки Запада. Но они быстро осознали, что их конкурентное преимущество связано с восточными и южными соседями Турции. В результате эти круги требовали от правительства

открытия новых рынков для купли-продажи, в том числе в дружественных теперь соседних странах.

По итогам проводимой политики географической диверсификации внешней торговли в ее структуре начали происходить существенные изменения, а именно заметное снижение доли традиционно ведущего внешнеторгового партнера Турции – стран ЕС, при одновременном росте значимости азиатских и африканских стран. Очевидно, географическая диверсификация экспорта стала важным фактором значительного роста его объемов: к 2011 г. его объем вырос почти в 4 раза, правда, решить проблему дефицита внешней торговли Турции по-прежнему не удавалось [Economic Report, 2004, 2005, p. 95; Ekonomik Rapor, 2007, 2008, s. 97; Economic Report, 2012, 2013, p. 151].

С другой стороны, рост экспорта во многом был обеспечен успешными ответами правительств ПСР на такие острые экономические вызовы, как разбалансированность бюджета и высокая инфляция. Следуя программе оздоровления экономики, власти Турции сумели обеспечить финансовую стабилизацию и оживление экономического роста к выборам 2007 г.

Отдавая должное экономическим достижениям Турции первого периода правления ПСР, следует отметить, что их оборотной стороной стало заметное увеличение дефицита по счету текущих операций платежного баланса: с 0,6 млрд долл. в 2002 г. он увеличился до 74 млрд долл. в 2011 г. – максимальное значение за весь период правления ПСР [см. подробнее: Ульченко, 2022]. Это означало, что в весьма существенной мере достижения правительства опирались на внешнее финансирование. Значительные по объему внешние кредиты позволяли турецкому частному сектору активно осуществлять инвестиционные программы, не прибегая к помощи государства и не угрожая стабильности бюджета. При этом внешнеполитическое обаяние новой Турции в сочетании макроэкономической стабилизацией оказались достаточными предпосылками для роста заинтересованности и предпринимательского зарубежного капитала. В 2007 г. Турции удалось привлечь рекордно высокий объем ПИИ в 19,1 млрд долл. [Ekonomik Rapor, 2009, 2010, s. 109].

Итак, говоря о факторах экономических успехов Турции в первый период правления ПСР, следует отметить эффективное взаимодействие внешней политики и экономики, что обеспечило Турции международное признание и положительный имидж, а вслед за этим и коммерческие дивиденды как на новых экспортных рынках, так и на международном финансовом. «Тесная координация между курсом внешней политики и макроэкономическим управлением предопределила новый уровень открытости международной торговле, который был поддержан

институциональными ответами со стороны Турции в стиле "торгующего государства" наподобие члена БРИКС» – резюмирует исследователь из Индии Арши Хан [Ashri, 2015, p. 25].

Казалось бы, главной для Турции целью должно было стать удержание достигнутого нового баланса между более представительным внешнеполитическим имиджем и успешным развитием экономики и экспорта в том числе. Однако увлекательный процесс роста внешнеполитической субъектности на фоне частичного укрепления национальной экономики, очевидно, являл собой соблазн выхода за рамки комфортной умеренности и провоцировал попытки дальнейшего усиления и расширения международного влияния.

Принципиальное изменение характера внешней политики Турции произошло на рубеже первого и второго десятилетий XXI в.

Что касается собственно новой концепции внешней политики, то одной из ее особенностей стало то, что завышенная оценка экономического потенциала страны, отказ от признания факта достижения стабилизации во многом лишь благодаря возросшей зависимости от использования внешних источников финансирования, преимущественно с западных рынков, подтолкнули Турцию к переходу черты, за которой рискованные внешнеполитические шаги повлекли за собой эффект домино в процессе ослабления национальной экономики. Таким образом, речь идет об утрате внешней политикой реализма – росте дисбаланса между ее целями, с одной стороны, и возможностями и потребностями турецкой экономики – с другой.

Новый характер связи экономики и внешней политики описывается многократным повторением вариаций одного и того же сценария: вызов со стороны Турции традиционным западным союзникам или же ее неоднозначно воспринимаемые внешнеполитические шаги в региональной политике ведут к встревоженности зарубежных инвесторов и выводу ими средств из страны. За этим следует девальвация лиры и рост инфляции. Усугублялась ситуация блокировкой действий Центрального банка страны по повышению учетной ставки в целях защиты лиры. Мотивировалась подобная не адекватная макроэкономическим реалиям кредитно-денежная политика стремлением обеспечить национальную экономику доступными кредитными средствами. Таким образом поощрялась своеобразная форма замещения внешнего финансирования внутренним. В итоге предоставленная самой себе национальная валюта продолжает свое «свободное» падение, усугубляя рост цен и обстановку тревожной неопределенности в экономике страны. Ситуация усугублялась утратой Турцией и такого важного преимущества прежних лет, как относительная сбалансированность в системе госфинансов. Очевидна ее логиче-

ская связь с выведением реальной ключевой ставки в отрицательную плоскость и падением интереса иностранных инвесторов к турецкому рынку. Ослабление интенсивности внешнего финансирования предьявляло более высокий спрос на бюджетные расходы. В 2018 г. Турция после длительного периода успешной фискальной политики продемонстрировала лишь нулевой первичный профицит¹, в последующие годы турецкий бюджет обнаруживал недостаток доходов еще до учета расходов по обслуживанию долга, то есть обеспечивать первичный профицит более не удавалось. Рост напряженности в бюджете стал фактором дополнительного ослабления лиры.

Между тем, жесткая система связи национальной экономики и внешнего финансирования существенно сократила пространство для внешнеполитического маневра Турции, требуя демонстрировать осмотрительность и существенно повышая риски экономического коллапса. Происхождение такого рода рисков турецкие авторы З. Ониш и М. Кутлай связывают с неразрешимым противоречием, характерным для турецкой экономики – «крупной, но бедной ресурсами и (в силу этого – *Н.У.*) в то же время значительно интегрированной с западными глобальными финансовыми системами» [Ziya Ö., Kutlay, 2020, p. 11].

Итак, второй период правления ПСР ознаменовался заметным разрывом связи внешней политики и интересов развития национальной экономики. «Происходило усиление секьюритизации внешней политики Турции, значение экономических факторов в определении приоритетов внешней политики снижалось и наблюдался очевидный регресс Турецкого торгующего государства», – резюмируют турецкие исследователи Х. Э. Караогуз и М. Кутлай [Hüseyin Emrah Karaoğuz, Kutlay, 2022]. И действительно, рост внешнеполитического активизма ценой забвения актуальных потребностей экономики привел к снижению чистого притока прямых инвестиций, который в последние годы не превышал 10 млрд долл. Правда, в 2021 г. он составил 13 млрд долл. [Ekonomik Rapor, 2021, s. 147], что все же заметно меньше рекорда 2007 г. Замедлились и среднегодовые темпы роста экспорта: с 11,4% в 2002–2011 гг. до 4,4% в 2012–2022 гг. [Ekonomik Rapor, 2004, s. 95; Ekonomik Rapor, 2022, s. 123].

Вслед за президентскими и парламентскими выборами, прошедшими в мае 2023 г., в руководстве Турции начались кадровые перестановки, среди которых в контексте рассматриваемого вопроса наиболее значимы оказались две – назначение главой Центрального банка Гайе Эркан, а министром финансов Мехмеда Шимшека.

¹ Первичный профицит – превышение доходами бюджета расходов без учета выплат по обслуживанию государственного долга.

Каким образом новые фигуры в турецком экономическом истеблишменте будут отвечать на возникшие вызовы и насколько им это удастся?

Объективно Турция стоит перед необходимостью политики монетарного и фискального сдерживания – повышения ключевой ставки и снижения бюджетных расходов. Воспитанники классической монетаристской школы, оказавшиеся на ключевых экономических постах в Турции, похоже, призваны для выполнения именно этой неприятной в глазах рядового избирателя миссии.

На пути проведения такой политики стоит несколько вызовов – предвыборные обещания Эрдогана и его многократно продемонстрированное негативное отношение к политике монетарного ужесточения. Кроме того, существует и объективный риск экономического замедления: главам Центробанка и Министерства финансов предстоит делать очень осторожный и взвешенный выбор между преимуществами укрепления лиры, снижения инфляции и издержками повышения процентной ставки и удорожания кредита.

К плюсам ситуации можно отнести лишь начало предвыборного цикла, которое благоприятствует проведению непопулярной экономической политики.

Похоже, на сей раз президент Турецкой Республики Р. Т. Эрдоган решил воспользоваться преимуществом момента и действительно позволить экономике пройти через период болезненного оздоровления. Начиная с августа 2023 г. ключевая ставка в Турции, пережив серию последовательных повышений, выросла с 8,5 до 45% по состоянию на февраль 2024 г. [Официальный сайт Центрального Банка Турции 2024].

В тандеме с главой ЦБТР осуществляет политику и Министерство финансов. Заявления М. Шимшека свидетельствуют о стремлении дополнить новый кредитно-денежный курс широким набором мер фискального сдерживания, сформировав единой контур ограничительной финансовой политики. Комментируя объявленную систему мер, М. Шимшек подчеркнул, что у Турции нет другого выбора, кроме как вернуться на «рациональную почву», чтобы обеспечить предсказуемость в экономике. «Прозрачность, последовательность, предсказуемость и соответствие международным нормам будут нашими основными принципами в достижении этой цели», – заявил он [Министр финансов Турции..., 2023].

Представляется, что нынешний разворот экономической политики окажется устойчивым и долгосрочным. Подтверждением тому могут служить и некоторые сдвиги в сторону Запада во внешнеполитическом курсе страны после майских президентских выборов, о чем свидетель-

ствуется, например, наконец состоявшееся, хотя и не без традиционных для Турции элементов политического торга, одобрение парламентом страны присоединения Швеции к НАТО или такой неоднозначный эпизод, как передача Киеву командиров Азова, а также готовность турецкой оборонной компании построить предприятие по производству беспилотников моделей Bayraktar TB2 и TB3 на территории Украины, о которой было заявлено в кулуарах Всемирной выставки вооружений в Эр-Рияде [Турецкая Baykar..., 2024].

Смену курса объясняется в том числе сложным экономическим положением страны, остро нуждающейся в восстановлении притока внешнего финансирования с западных рынков. В таких условиях разворот в сторону Запада становится для Эрдогана необходимостью.

Насколько новый курс, как экономический, так и внешнеполитический, благоприятствует удовлетворению запросов экономики, если понимать их как возврат к модели развития, предполагающей активное привлечение финансирования с внешних рынков? Пока продолжающаяся девальвация – свидетельство того, что доверие иностранных инвесторов не восстановлено в полной мере и предложение валюты остается недостаточным для стабилизации курса. На фоне продолжающейся девальвации не удастся справиться и с ростом цен. Так, в середине года на фоне назначения на тот момент нового главы Центрального банка Гайе Эركان индекс роста потребительских цен в годовом исчислении снизился до 40%, а концу года повысился до 65%. Курс лиры на сегодня составляет около 30 за доллар, тогда как в середине года – 24. Но несмотря на часто встречающуюся оценку происходящего в экономике страны как кризиса, представляется, что она не корректна, т.к. сохраняются положительные темпы роста экономики – по итогам трех кварталов 2023 г. они составили чуть менее 6% [Турецкое статистическое общество, 2024].

Так что, если говорить строгим экономическим языком, то речь идет не столько о кризисе, сколько о способе или форме роста экономики. Так, по итогам 2023 г., несмотря на волны девальвации лиры, Турция сумела осуществить импорт (который критически важен для обеспечения процессов роста в импортозависимой турецкой экономике) почти в том же объеме, что и в 2022 г. – 337 и 342 млрд долл. соответственно, позволить себе дефицит внешней торговли в объеме 86 млрд долл., а по счету текущих операций – в объеме 45 млрд долл. При этом в стране не наблюдался полномасштабный валютный кризис, а значит, нашелся необходимый объем валюты для покрытия итогового дефицита. И действительно, по итогам 2022 г. в стране наблюдался чистый отток портфельных инвестиций в объеме 9 млрд долл., а в 2023 г. он сменился притоком в объеме

11 млрд долл. Валютная задолженность банков выросла с 16 млрд долл. до 21 млрд. [Официальный сайт Центрального Банка Турецкой Республики, 2024].

То есть наблюдается рост доверия иностранных инвесторов к национальной экономике, что критически важно для поддержки экономического роста в стране с хроническим дефицитом по счету текущих операций платежного баланса.

Насколько наметившиеся положительные сдвиги в экономике страны следует связывать с изменениями внешнеполитического курса Турции? Пока можно говорить о том, что отсутствие явных внешнеполитических обострений в сочетании с переходом финансовых властей страны к более адекватной с точки зрения западных инвесторов кредитно-денежной и фискальной политике обеспечивает их более позитивное отношение к турецкому рынку. В этом смысле показательно и согласие властей страны с введением ограничений для национальных банков на обслуживание российских клиентов. Бросать вызов западным партнерам в сегодняшней острой ситуации Турция явно не хочет.

Но не стоит спешить с окончательными оценками: возможно, Турция проходит лишь очередной период смещения акцента в своей привычно колеблющейся между Западом и Востоком внешнеполитической траектории. Во-первых, за время политической конфронтации с западными партнерами Турция сумела наладить финансовые связи с арабскими странами, в частности, Катаром и ОАЭ. Поэтому вполне предсказуемыми стали визиты Эрдогана в страны Персидского залива вскоре после выборов, в частности, с целью получения более существенной экономической поддержки. В ходе визита в ОАЭ было достигнуто соглашение о выделении 8,5 млрд долл. из Фонда национального благосостояния страны для размещения турецких облигаций, эмитированных с целью преодоления последствий землетрясения марта 2023 г. и кредита в объеме 3 млрд долл. на цели поддержки турецких экспортеров [Ayдын-Düzgüt, Kutlay, Keyman, 2023]. Во-вторых, весьма любопытные результаты удалось получить по итогам изучения сдвигов в географическом распределении долгосрочных кредитов турецкого частного сектора за последние шесть месяцев 2023 г., то есть за послевыборный период: общая сумма задолженности увеличилась приблизительно на 5 млрд долл., из которых чуть менее 2 млрд пришлось на страны Европы [ÖzelSektörün Yurt..., 2024]. При этом странами – наиболее крупными кредиторами оказались Германия – около 600 млн долл., Великобритания – 700 млн долл., а РФ – свыше 1, 5 млрд долл.! [Официальный сайт Центрального Банка Турецкой Республики, 2024].

Так что, подводя итог, следует признать правоту турецких авторов, которые отмечают, что «в попытках избежать давления Запада на процесс проведения политических или экономических реформ Турция, скорее всего, будет продолжать углублять сотрудничество с Россией, Китаем и странами Персидского залива... В то же время Эрдоган не пойдет и на полный разрыв отношений с Западом» [Aydın-Düzgit, Kutlay, Keyman, 2023, p. 90]. Иными словами, Турция так и останется энигмой между Востоком и Западом, давая противоречивую пищу для постоянных догадок о том, с кем же она.

Литература / References

1. Ульченко Н. Ю. Не только институты: что стоит за изменением траектории роста экономики Турции во втором десятилетии XXI в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. Выпуск 3. С. 111–123. DOI: 10.31857/S086919080020402–9.
2. Aydın-Düzgit S., Kutlay M., Keyman E. F. How Erdoğan Rules Through Crisis // *Journal of Democracy*. Vol. 34. No. 4. October 2023. Pp. 80–93.
3. Ashri K. Titanic Shift in the Republic of Turkey from Stasisto Homonoia // *Perspectives on Turkey's Multi-regional role in the 21st century*. Ed. by Mujib Alam. New Delhi, KW Publishers Pvt Ltd, 2015.
4. *Ekonomik Rapor 2002*. Ankara, TOBB, 2003.
5. *Ekonomik Rapor 2007*. Ankara, TOBB, 2008.
6. *Ekonomik Rapor 2009*. Ankara, TOBB, 2010.
7. *Ekonomik Rapor, 2022*. Ankara, TOBB, 2023.
8. *Economic Report 2004*. Ankara, TOBB, 2005.
9. *Economic Report 2012*. Ankara, TOBB, 2013.
10. *Guven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam*. Ankara: Parti Bünyesinde, 2007. 230 s.
11. Hüseyin Emrah Karaoğuz H. E., Kutlay M. The ties that don't bind: trading state debates and role of state capacity in Turkish foreign policy // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. No. 23(2). Pp. 409–429. DOI:10.1080/14683857.2022.2109828.
12. Turan I. *Advetures in Causal Analysis: The Whys of Turkey's Deteriorating Relations with Israel*. GMF Analysis. On Turkey Series. Wash., September 15, 2011.
13. Ziya Ö., Kutlay M. The anatomy of Turkey's new heterodox crisis: the interplay of domestic politics and global dynamics // *Turkish Studies*. 2020. No. 22(1). DOI: 10.1080/14683849.2020.1833723.
14. *Özel Sektörün Yurt Dışından Sağladığı Uzun Vadeli Kredi Borcu İstatistikleri*. Şubat 2024. 35 s. URL: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/5f0d9420-724c-4243-b424-615181559e56/uzun.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-5f0d9420-724c-4243-b424-615181559e56-oSMJMER>.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Министр финансов Турции назвал главные цели экономической программы // Smi.today. 06.07.2023. URL: https://www.smi.today/ru_smi/2571613-ministr-finansov-turcii.html (дата обращения: 20.07.2023).
2. Официальный сайт Турецкого статистического общества. URL: <https://www.tuik.gov.tr> (accessed: 20.02.2024). На тур. яз.
3. Официальный сайт Центрального банка Турецкой Республики. URL: <https://www.tcmb.gov.tr> (accessed: 19.02.2024). На тур. яз.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ульченко Наталия Юрьевна –
д-р экон. наук, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук, Москва,
Россия

Ulchenko Natalia Yu. – DSc (Econ.),
Leading Research Fellow, Institute
of Oriental Studies of the Russian
Academy of Science, Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.04.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 15.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.04.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 15.04.2024.

The author has read and approved the final manuscript.